

Юстинас
МАРЦИНКЯВИЧЮС,
народный поэт
Литовской ССР:

Держаться будем за руки, как прежде!

вое — это его родная литература, та, на почве которой он вырос, сложился как личность. Второй круг — это литература народов Советского Союза. Этот круг побольше, многоокрасочнее. Он способствует выработке у человека широты мысли, он приносит с собой целые пласты многонациональной жизни. И третий, самый широкий круг — мировая литература. Поскольку она доступна нам в оригинале и по переводам на те языки, которыми владеем.

— Не потому ли, что книги, как высшее достижение человеческой мысли, так занимают ваше воображение, вы обратились к образу Мажвидаса, ставшего героем одной из поэм-драм вашей трилогии?

— Да, преклоняюсь перед подвигом этого человека, который создал первую литовскую печатную книгу. Его личность, его время, остроконфликтные, революционные события, связанные с реформацией, которые в XVI веке потрясли Европу... Все это давно, очень давно владеет моими мыслями. Но только в последнее время понял, как мне кажется, смысл жизненного подвига Мажвидаса. Материк, который он открыл и вручил нам, — огромный и вечный. Не знаю, можно ли сделать что-нибудь больше для человека, для гуманизма, для литовского слова. Разве не он, Мажвидас, «сотворил», дал нам голос в истории, заговорив с нами так доверительно? Помните прекрасные первые слова его книги: «Братья и сестры! Берите меня и читайте!» Это же удивительно. Думаю, что первопечатники в истории духовной культуры любого народа сыграли особую, выдающуюся роль. На одном из старинных вильнюсских зданий мы открыли мемориальную доску Франциску Скорине, печатавшему здесь первую белорусскую книгу. В Вильнюсе отпечатана и первая латышская книга.

— Какова же судьба вашей поэмы-драмы о литовском первопечатнике Мажвидасе?

— Ее судьба, надеюсь, еще только начинается. В Литве ее поставили два театра. Этим я горжусь, ведь многим драматургам небольшой республике удается сразу выйти на двух сцен.

Драма переводится на русский язык. Уже переведена на латышский и венгерский. В этом году выходит в Риге и Будапеште отдельными книгами. Надеюсь, что мысли и образы драмы окажутся понятными, близкими читателям и зрителям. Ведь драма затрагивает проблему истоков каждой национальной культуры, становления книги как одной из форм национального духовного бытия. И вместе с тем через национальное выходит на проблематику общечеловеческую, интернациональную, проблему гуманизма в самом широком плане.

— Но для того, чтобы национальное совершило выход в интернациональное, нужны хорошие переводчики. Не так ли? У вас прекрасные переводчики на русский язык, А. Межиров и Д. Самойлов из них главные. Как строятся ваши взаимоотношения с переводчиками, как оцениваете вы их работу?

— Я очень люблю и Межирова, и Самойлова, считаю их большими художниками. Переводы их прекрасны, они свободно чувствуют строку, естественно и органично мыслят в образном строе переводимого автора. Не могу не упомянуть и Юрия Левитанского, который переводит мою лирику.

Я и сам имею довольно большой опыт поэтического перевода. Начал работать в этой области очень рано. В послевоенное время в Литве остро ощущалась нехватка переводческих сил. А сделать надо было многое. В пятидесятые годы издавалось на литовском языке собрание сочинений А. С. Пушкина. Рад и счастлив вспомнить, что моя переводческая деятельность началась именно с великого Пушкина. Конечно же, издательство пошло на риск, доверив столь важную работу молодому, еще начинающему поэту. Прикоснувшись к вершине русской, да и не только русской — мировой поэзии, нести Пушкина литовским читателям — это превеликое счастье и огромнейшая ответственность.

Почти одновременно с переводами Пушкина вышла и моя первая собственная книжка. Она называлась «Прошу слова». Это был 1955 год.

Потом я подошел к Адаму Мицкевичу. Готовилось издание его книги в переводе на литовский. Мне предложили перевести его поэму «Гражина». Тогда же перевел с польского некоторые его сонеты и баллады. И с тех пор постоянно возвращаюсь к его произведениям. Перевел «Дядю», «Пан Тадеуш» переведен совместно с моим учителем В. Миколайтисом-Путинасом, классиком литовской литературы. Профессор довел перевод до половины и, не успев завершить, как бы завещал мне закончить этот труд. Надо ли говорить, как трепетно отнесся я к этому духовному завещанию! А в прошлом году мы закончили работу над трехтомным собранием сочинений Адама Мицкевича на литовском языке. Из них почти два тома — в моем переводе.

Вместе с тем жизненной потребностью стало для меня общение с русской классикой. Счастьем и школой была работа над переводами лермонтовского «Демона». И первая моя любовь — Сергей Есенин. Я не мог освободиться от власти его надоемой, я был буквально в плену его строф и ритмов. Подумалось: может быть, при помощи перевода я вырвусь из этого плена? Так появилась первая на ли-

товском языке книга стихов Сергея Есенина «Белых яблонь дым». Но из плена могучей и влекущей есенинской поэзии так и не освободился. А, может, и не хотел освободиться...

Обмен переводами — бесценный акт взаимообогащения и читателей, и поэтов. Без его помощи литература, создаваемая на языке небольшого народа, была бы обречена на замкнутость, на жизнь «внутри себя».

Благодаря переводу на русский язык, например, вышел на всесоюзную арену «Миндаугас», который открыл мою трилогию исторических драм-поэм. Да что тут говорить о себе! Вся классика, все самое ценное, что только есть в современной литовской литературе, переводится на русский. И сколько читателей приобретаем мы благодаря этому!

Вот, между прочим, вчера я получил неожиданный сюрприз: прислали книгу моей лирики, изданную на норвежском языке. Это первая литовская книга, вышедшая в Норвегии.

— Как вы стали драматургом? Как вошел в ваше творчество театр, и какое место в нем он занял?

— К пьесе я пришел через поэму. Уже говорил, что начал с лирики, со сборника «Прошу слова». Но сразу же, еще даже не дождавшись выхода первой книги, написал самую большую поэму в моей жизни — «Двадцатая весна». Само ее название показывает, насколько я был тогда молод. Это поэма о становлении личности молодого гражданина Советской Литвы в трудных, конфликтных послевоенных обстоятельствах.

На мою жизнь выпал отрезок истории Литвы, очень насыщенный событиями. Тут и годы фашистской оккупации, и послевоенная классовая борьба, и трудная переориентировка — духовная, нравственная, становление социалистического сознания и вместе с тем укрепление социалистического хозяйствования, особенно на селе, коллективизация литовской деревни. Все это настолько масштабно, что в стихах уместить просто невозможно. Так я подошел к поэме, которая дает возможность философски осмыслить эпоху, показать и выразить себя в другом масштабе, вместе со своим народом, свершающим социальные преобразования. Ну, а от эпической поэмы до драмы, по моему, остается только шаг.

Почти все мои поэмы и даже некоторые лирические циклы стихов инсценированы или как-то прочитаны со сцены. «Двадцатая весна» была поставлена Г. Ванцявичюсом еще в Каунасском театре более двадцати лет назад. Как видите, театр давно уже позвал меня, гораздо раньше, чем я стал писать пьесы. Незаметно для себя я стал мыслить театральными образами.

После «Мажвидаса» я решил на время оставить театр в покое. Пока я опять во власти лирики. В конце прошлого года вышел сборник стихов «Нежное прикосновение жизни». В Москве издан сборник моих маленьких поэм. Отдал в печать новую поэму «Древо познания», посвященную 400-летию нашего Вильнюсского университета. Я его воспитанник и человек, навсегда увлеченный историей духовной культуры своего народа. Хочу в будущем продолжить поэму.

— Итак, вы предпочитаете в драматургии темы исторические, даже древнеисторические? А как же обстоит дело с героями наших дней, с современной проблематикой?

— Во-первых, хочу подчеркнуть: считаю себя писателем современным, даже остросовременным, хотя, действительно, в последние годы много занимаюсь историческим материалом. Действие в моей трилогии — «Миндаугас», «Мажвидас» и «Собор» — разворачивается в далеком прошлом. Но проблематика этих пьес, на мой взгляд, современна. Я не могу и не хочу абстрагироваться от своего времени, от сегодняшних забот, тревог, идеалов. Над всеми историческими памятниками поют птицы современности.

Силы, окрыляющие человека для подвига, для высшего служения людям, в какую бы эпоху они ни действовали, по моему, всегда остаются современными.

— А непосредственного обращения к современности в драматургии, к современному герою, который давно уже и безраздельно главенствует в вашей лирике, в большинстве ваших поэм, не предвидится?

— Предвидится. Я категорически не хочу, чтобы к моему имени, как к имени драматурга, накрепко прилипло словечко «исторический». Я не историк. Я поэт, притом поэт современный.

Все время думаю о том, как помочь шагнуть на сцену моему современному молодому герою. Приглядываюсь. Привлекает меня образ сегодняшнего молодого человека. Похож ли он на лирического героя моей «Двадцатой весны»? Самое главное, создать для себя концепцию — поэтическую и драматическую — современного молодого человека. Я вижу в нем много прекрасного — образованность, энергию и ум. Но вместе с тем кое-что в нем меня беспокоит. Не потому, что герою моей «Двадцатой весны» уже под пятьдесят, а в этом возрасте многие брызжат и негодуют. Нет, я вижу конфликтность, созревания личности современного молодого человека. Поймать бы его за руку! Нет, скорее всего: не выпустить бы его руки из своей!

Беседу вел
Ольга МАКАРОВА.
Вильнюс.

Мы беседуем в рабочем кабинете поэта. Все стены в стеллажах, густо заполненных книгами. Они подобраны с любовью, расставлены продуманно, с внутренней системой.

— Расскажите, Юстинас, какое место в вашей жизни занимает книга.

— Ну, перед книгой я, конечно, преклоняюсь, как перед самым высоким и совершенным изобретением человеческого гения. По моему, ничто не может сравниться с книгой в мире духовных сокровищ. Странно, что до сих пор не создан памятник книге. Есть памятник танку, пушке, самолету, а книге — нет.

В мою жизнь книга входила трудно. Родился я в глухой литовской деревне, где печатное слово было редким гостем. Кроме молитвенника, календаря да еще сельскохозяйственной газеты, которую выписывал, чтобы не отстать от соседей, мой отец, в доме книг не было.

Отчетливо помню тот прекрасный день моего детства, когда у меня из разных букв внезапно сложилось слово. Я даже сам не понял, как произошло это чудо. Побежал к матери, чтобы поделиться с ней своей радостью. Но, увы, она не смогла разделить ее, потому что не умела читать.

Книга в моей жизни?

Я обращаюсь к книге — нет, не то слово — я живу книгами, чувствую их, как живых. Любимый томик даже просто подержать в руках и то радость! И в человека я верю больше всего именно через книгу. Тянутся к книге — значит тянутся к человеку.

Моя постоянная любовь — классика. Сказано не в обиду современной литературе. По мере сил своих стараюсь следить, чем живут национальные литературы. Люблю современный роман. Ну, а стихи читать мне и сам бог велел.

Я представляю, что современный читатель живет как бы в трех кольцах литературного окружения. Пер-